

Александр Залманов

Зацепя #вслухипросебя#

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
323

Залманов А.

Зацепа #вслухипросебя# / Залманов А.; сост. Комова Л. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 48 с.

ISBN 978-5-532-93448-1

Зацепа #вслухипросебя# представляет собой сборник рассказов-зарисовок, объединенных общим местом действия. А. Залманов приглашает читателя пройти вместе с ним по легендарной Зацепе, заглянуть в старый Зацепский двор его детства. Автор пристально всматривается в себя и в тех, кто когда-то окружал его. Этот взгляд взрослого человека лишён сентиментальной слезливости, он словно заново знакомится с самим собой и это знакомство не всегда бывает приятным. Старая Зацепа все ещё жива, хотя это уже совсем другая жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	15
5	17
6	21
7	24
8	26
9	28
10	34
11	35
12	37
13	39
14	42
15	46

Отгородившись от Садового кольца двойным рядом разномастных домишек, Зацепа, вопреки принятой нумерации домов, начала свой неспешный и неровный ход от Павелецкого вокзала, вернее, от знаменитого на всю Москву рынка, которому дала свое имя. И заканчивалась Зацепа там же, уже в полном соответствии с принципом нумерации.

Дом простирался на целый, пусть и крохотный, квартал от Зацепского проезда до Малой Пионерской улицы, в насмешку переименованной из Малой Дворянской. (Мне кажется, что прежнее название тоже было дано в насмешку).

Четырёхэтажный дом с более чем трехметровыми потолками возвышался кирпичной громадой над мелкими, преимущественно деревянными, собратьями.

Центральный фасад выходил двумя подъездами на Зацепу. Одним боковым фасадом дом прилепился вплотную к Зацепскому проезду. От трамвайных путей его отделяла столь узкая полоска тротуара, что оба подъезда, выходящие на эту сторону, пришлось заколотить навсегда. Жильцы пользовались черным ходом со двора и находили это вполне удобным.

Внутреннее пространство двора замыкали подсобка обувного магазина и одноэтажный флигель, глухая стена которого вела к арке второго бокового фасада и через нее к Малой Пионерской.

Двух одинаковых квартир в доме не было. Даже расположенные одна над другой в одном подъезде обязательно отличались какими-нибудь перегородками, выгородками, закутками, кривизной стен, оконными проёмами или неожиданным расположением туалета.

Жили мы в элитной коммуналке на две семьи. У нас комната и у соседей комната. Все по-честному: у нас большая комната на большую семью, у них семья поменьше и комната поменьше.

– Витя – «золотые руки». – Так говорила Сашина бабушка и всегда при этом вздыхала. Виктор Погодин был слесарем шестого раз-

ряды на ЗВИ, бывшем заводе им. Михельсона. Там, где стреляли в нашего дедушку Ленина.

По просьбам соседей, друзей и знакомых Витя вытачивал на своем станке любые железяки. Со своих денег не брал, предпочитая универсальную русскую валюту.

Гонорары в бумажных деньгах, самым распространенным среди которых была зелененькая трёшка (аккурат поллитра Московской или «коленвала») Витя незамедлительно конвертировал в ближайшем обменном пункте.

Заказов было немало, поэтому Погодин – старший частенько возвращался домой в дым, в хлам или попросту «на рогах».

В нашей квартире была двойная входная дверь. Точнее, две двери. Одна открывалась наружу, другая – внутрь. Пространство между ними образовывало тамбур глубиной сантиметров в сорок.

Возможно, силы покидали дядю Витю в тот момент, когда он открывал первую дверь, или, быть может, он не хотел появляться дома в таком виде.

Порой забытье, в которое впадал дядя Витя, оказывалось слишком сильным, и он по утру вываливался в прихожую, когда кто-то из наших открывал внутреннюю дверь, отправляясь на работу.

Славка Погодин был старше Саши на семь лет и уже давно ходил в школу. Саша обожал Славку и завидовал ему. Во всем.

Славка носил стрижку «полубокс» с косой челкой, удивительно гармонизировавшей со сколотым передним зубом, и ходил по дому в черных шароварах (почти как на картинах Пиросмани), и взрослых тапочках на картонном ходу. Саше приходилось носить детские шортики с чулочками и сандалики. О «полубоксе» мечтать не приходилось.

А ещё Славка собирал разноцветные крышечки из фольги, а Саша ему помогал, как мог. За это Саше позволялось рассматривать его коллекцию. Славка доставал из-под стола коробку и вываливал ее содержимое на стол. Чаще всего попадались серебристые крышечки – это было молоко. Зелёненьких тоже было много – это был кефир. Золотистые (ряженка) и серебристо-полосатые (просто-

кваша) встречались гораздо реже. Были ещё какие-то крышечки, но я их не помню. Славке больше всего нравились золотистые, а Саше – фиолетовые, от ацидофилина.

К удивлению мамы Саша всегда упрашивал ее купить ацидофилин.

– У ребенка, наверное, пониженная кислотность, – вздыхала мама, – организм сам подсказывает, что ему нужно.

Когда заветная коробочка заполнялась доверху, Славка сносил ее в пункт приема вторсырья.

Но главное: у Славки была школьная форма. Китель-гимнастерка, ремень с латунной пряжкой и настоящая фуражка! Через пару лет, когда Саша пошел в школу, ему достался серый в голубизну мешковатый костюмчик, а вместо фуражки – ненавистный берет с ненавистным хвостиком на макушке.

Мама и бабушка сходились во мнении, что это выглядит интеллигентно, а Саша мечтал хотя бы о кепке.

– В кепках шпана ходит, – говорила мама.

С «полубоксом» тоже ничего не вышло. Любые прически, кроме «под ноль» и «полубокс» считались модельными стрижками и в школе не одобрялись, однако в отношении Саши был достигнут компромисс в виде стрижки под названием «ёжик».

Хуже парикмахерской считался только визит к зубному. Раз в месяц или чуть реже его водили в парикмахерскую.

Парикмахеров независимо от гендерной принадлежности по непонятной причине называли мастерами. Мастер приносил или приносила из подсобки широкую доску, отполированную тысячами задниц до благородного блеска.

Доску водружали на подлокотники кресла, на доску Саша усаживался сам, и долго потом под металлический шелест ножниц рассматривал в зеркале отражение туго спеленутого человечка. То ли ножницы бывали туповаты, то ли мастера самозванцами, но время от времени стригли очень больно.

– Освежить? – В конце экзекуции мастер распеленывал человечка и делал движение в сторону большого стеклянного флакона с зеленоватой жидкостью.

К флакону была прикручена резиновая трубка с грушей на конце, похожей на клизму.

Если нажимать на грушу: «пш-пш-пш», то из длинного хоботка вылетало облачко душистой аэрозоли. Шипр-шипр-шипр. В арсенале парикмахерской было два мужских одеколона: запростецкий «Тройной» и утонченный «Шипр».

В народе «Тройной» ласково называли «тройничок». Незамысловатая композиция, ясный цитрусовый запах, зеленоватый цвет, напоминающий благородный «Шартрез». Сакральная троица, заключённая в названии, в сочетании с невысокой ценой и высоким содержанием спирта делала его народным одеколоном. «Тройничок» употребляли внутрь, попросту говоря, пили, не рискуя отравиться. Хотя, кто и когда этого боялся?

По цене и производимому эффекту (сейчас бы сказали по сочетанию цены и качества) фунфурик «тройничка» успешно конкурировал с поллитрой на троих или чекушкой на пару, но более всего подходил для индивидуального употребления.

К числу его недостатков можно было отнести неистребимый парфюмерный выхлоп, который невозможно было замаскировать никакой закуской. Возможно, по этой причине в «культурной» среде пользоваться «Тройным» считалось неприличным.

Погодины стояли в заводской очереди на получение квартиры, а мы связывали с этим свои надежды на, как тогда говорили, улучшение жилищных условий. Если у Погодиных выгорало дело, мы наверняка получали их комнату.

Мы – это дедушка, бабушка, папа (их зять), мама, Саша, мамина младшая сестра и ее муж, дядя Боря.

Ожидание было долгим, но не мучительным. В доме царила бабушка и всех это устраивало.

Погодины съехали неожиданно и незаметно. В один день. Прощались тепло, обещали не забывать, приходить в гости. Кажется, виделись с тех пор однажды.

В тамбуре больше никто не ночевал, и там соорудили большой фанерный ящик под картошку.

Мимо нашего дома ходили трамваи. Целых пять номеров (линии были только у метро). Три, включая «Аннушку», пересекали Садовое кольцо и шли в центр, к Чистым прудам, к улице Кирова. Два других поворачивали под нашими окнами в сторону Крестьянской заставы.

Трамвай останавливался перед стрелкой, из него выходила женщина-вагоновожатый. (Водителями автобусов работали мужчины, трамваев – женщины. В троллейбусах – и те и другие). В руках у нее был увесистый ломик-кочерга, который она извлекала из-под кабины или возила с собой. С помощью этого приспособления вагоновожатая с диким лязгом переводила остряк стрелки в нужное положение.

Потом процедуру усовершенствовали, и ломик стал не нужен. Вагоновожатая в нужный момент дёргала за специальный тросик и стрелка переключалась. Лязг при этом остался прежним.

Утро всегда наступало около половины пятого, когда под окнами начинали ходить трамваи. Саша почти просыпался, перемещаясь в блаженное состояние полусна, когда пару часов можно ещё не думать о том, что скоро вставать.

Гроыхание трамвайных колес и кляцанье стрелки одновременно убавкивало и не давало провалиться в сон, создавая ощущение надёжности и покоя.

Бабушка под эту музыку просыпалась окончательно и Сашиных восторгов по поводу колыбельной не разделяла.

2

Саше предстояло пойти в школу неполных семи лет. На семейном совете было принято решение на годик отправить его в детский сад. Для социальной адаптации. Таких слов, конечно, тогда никто не употреблял.

– Пусть немного оботрется, – сказал дедушка.

– Если будут спрашивать, кем я работаю, не говори, что я зубной врач, – попросила мама. Мама очень обижалась, когда ее называли зубным врачом. Она была стоматологом и работала в детской поликлинике.

– Я скажу, что ты стоматолог.

– Лучше скажи, что я просто врач. И все. – Мама стеснялась говорить незнакомым людям, что она стоматолог.

– Стоматолог, это кто? – спросила пожилая воспитательница.

– Зубной, – опередила меня заведующая. Они внимательно посмотрели на Сашу и понимающе переглянулись.

Мама очень не любила, когда ее называли зубным врачом. Папа-инженер интереса никакого не вызвал.

– Бабушка на рынке работает! А дедушка портной!

Саша не помнил, чтобы он это говорил, но семейная легенда гласит именно так. (Зацепский рынок мы с бабушкой посещали почти каждый день). Не думаю, что последовавшие разоблачения и связанные с ним разочарование воспиталок повлияли как-то на процесс Сашиной адаптации, но шел он туго.

На вопрос, чем его кормят дома, Саша ответил: «икоочкой».

«Эр» давалось ему с трудом.

– Курочкой? – переспросила воспитательница.

– Да не курочкой, – радостно уточнил Саша, – а икоочкой!

Саратовские дедушка и бабушка прислали на днях литровую банку паюсной икры. Она была набита так туго, что ее приходилось выковыривать ножом по кусочкам.

Подъезд родного дома всегда встречал меня уютным полумраком, запахом прохладной пыли и тонким кошачьим ароматом, пробивавшимся сквозь мощную ноту жареной на подсолнечном масле картошки. Рафинированного масла наши коммунальные кухни ещё не знали. Когда за Сашей затворилась тугая детсадовская дверь, он сразу ощутил чувство тревоги.

Чувство тревоги усиливали враждебные запахи, прежде ему незнакомых. Самыми пугающими были запах хлорки и влажный запах непривычной кухни.

Послеобеденный тихий час был самым тяжёлым испытанием для Саши. Разговаривать было нельзя. Читать книжку было нельзя.

– Я не буду вслух, – догадался Саша, – я про себя.

– Все равно нельзя, – сказала воспитательница.

Можно было тихо лежать с закрытыми глазами.

– Скажите, пожалуйста, – тихонько позвал Саша. – Никто не отозвался.

Саша позвал погромче: «Скажите, пожалуйста!»

Воспитательница, наконец, подошла и встала над Сашиной кроватью.

– Чего ты хочешь?

– Можно я почитаю книжку?

– Нельзя!

– Я буду читать очень тихо. Про себя.

Саша подумал, что нельзя шуметь во время тихого часа и читать громко вслух.

– Все равно нельзя. А если будешь разговаривать, – пообещала воспитательница, – мы зашьём тебе рот черными нитками!

«Значит, она будет не одна? Значит, кто-то будет держать его за руки, пока она зашивает ему рот! И почему черными нитками? Разве можно зашивать рот черными нитками? Как мне потом жить?» – с ужасом думал Саша.

Он лежал, крепко зажмурившись. Перед глазами плыли разноцветные пятна. Его мутило от страха. Чтобы отогнать тошноту, Саша пытался отсчитать шестьдесят минут – тихий час. По его расчетам